

Е. Д. Кукушкина
(ИРЛИ РАН)

Басня Эзопа о горе, родившей мышь, в русских переводах и переложениях

Среди многочисленных басенных сюжетов, получивших популярность в России, чаще других встречаются варианты сюжета о горе, родившей мышь. История усвоения этого сюжета русской культурой XVIII столетия запечатлена в басенном творчестве поэтов XVIII — начала XIX века и, как частный случай, комментирует обобщающие выводы о судьбе крылатых слов, сделанные на другом лексикографическом материале, подтверждая их: «Устойчивые формулы и крылатые слова, связанные с иной национальной культурой, попав в русскую культурную среду, какое-то время функционируют в своем прямом, исходном значении, закрепляются в устной и письменной речи, а потом приобретают и иные значения — метафорические, иронические и пр. <...> При этом исходное значение не полностью выходит из употребления, а существует параллельно с новыми оттенками смысла и новыми языковыми образованиями...»¹

Корни выражения «Гора родила мышь», ставшего фразеологизмом, восходят к прозаической басне Эзопа, сохранившейся в стихотворных переложениях Федра (I век н. э.) «Mons parturiens» и Лафонтена «La montagne

¹ Багно В. Е., Николаев С. И. Предисловие // Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010. С. 5.

qui assouche». Гораций в третьей песне эпистолы «К Пизонам» («De arte poetica») применил это выражение, предостерегая стихотворцев от высокопарных заявлений, в которых они обещают «создать нечто монументальное — „родить гору“, но в тяжких муках творчества разрешаются лишь ничтожно малым „мышонком“: Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus — Горы хочет родить, а родится смешной мышонок».²

Федр сжал сюжет Эзопа до четырех стихов и объяснил его значение, причем гора в его басне превратилась в субъект действия.

Рожала гора с неслыханными стонами,
И вся земля томилась в ожидании,
А родилась мышь. Для тех написано,
Кто обещает много, а выходит вздор.³

Популярности басенного сюжета о горе и появлению фразеологизма во многом способствовало знакомство русских поэтов с трактатом Н. Буало «L'Art poétique en vers» (Поэтическое искусство, 1674), высокий авторитет которого был для них неоспорим. В третьей песне, ссылаясь на Горация, Буало советовал сочинителям соблюдать меру в оценке своего таланта и не давать скоропалительных обещаний:

...Пусть начинается без хвастовства рассказ.
Пегаса оседлав, не оглушайте нас,
На лад торжественный заранее настроив:
«Я ныне буду петь героя из героев!»
Что можно подарить, так много обещав?
Гора рождает мышь, поэт «Эпистол» прав.⁴

² Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000. С. 125.

³ Античная басня. М., 1991. С. 308. Пер. с лат. М. Гаспарова.

⁴ Буало Н. Поэтическое искусство. СПб., 2010. С. 67. Пер. с лат. Э. Линецкой.

Особую роль в распространении фразеологизма сыграла литературная деятельность В. К. Тредиаковского. В его переводе трактата Буало, сделанном в период после 1748 и до 1751 года, наставление Горация выглядело уже как фразеологизм:

Пространство мерно вточь давайте вы труду,
Чтоб просто, без притворств пошло у вас начало,
На Пегазе б сперва скакание не мчало
И не кричали б вы чтецам, как из шальных:
«Победника пою победников земных».
Что ж та произведет речь громом некошная?
То мучится гора, родится мышь смешная.⁵

Вскоре Тредиаковский перевел эпистолу Горация «К Пизонам», избрав для перевода стихотворного оригинала прозаическую форму. Интересующий нас фрагмент текста варьирует авторскую мысль: «Блюдитесь начинать так поэму, как площадной в древние времена начал писатель: *Я воспою Приамову фортуна и благородную брань*. Что ж сей обещатель принесет нам потом достойное того звание? Ничего, как токмо что сияются родить горы, а родиться имеет смеха достойная мышь».⁶

Как фразеологизм, Тредиаковский употребил басенные стихи также в «Предъизъяснении» к «Тилемахиде», вольному стихотворному переложению романа Ф. Фенелона «Приключения Тилемака»: «...Пыщутся горы родить, а смешной родится мышонок».⁷

В 1752 году, готовя к изданию первый том своих «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою»,

⁵ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 39—40.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Тилемахида или Странствование Тилемаха, сына Одиссеева, описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским... В 2 т. СПб., 1766. Т. 1. С. LIX.

Тредиаковский включил в него перевод эзоповых басен, сделанный с латинского перевода немецкого историка и филолога И. Камерария (1500—1574).⁸ Переводчик подчеркнул, что перелагает не легкого рассказчика Лафонтена, а Эзопа-моралиста, но не включил в текст отдельно сформулированную басенную мораль. При этом он «приземлил» мифологический сюжет басни «Гора, мучающаяся родами», придав ему сходство с описанием поведения людей перед извержением вулкана, что подчеркивается упоминанием страха, который они испытывают. Сравнение с родами является здесь лишь метафорой:

Напружинившись, Гора из глубины стонала;
Как будто час настал родить ей, тем казала.
Сей случай всех привел людей в прекарный страх,
Боящихся, чтоб как не задавил их прах.
Но выскочила Мышь из той внезапным спехом,
И так людска боязнь скончилась общим смехом.⁹

В 1764 году в Санкт-Петербурге, при Императорской Академии наук были напечатаны «Федра... нравоучительные басни, с Эзопова образца сочиненные, а с латинских российскими стихами преложенные, с приобщением подлинника Академии наук переводчиком Иваном Барковым». Это было своего рода учебное пособие, в котором тексты басен приведены параллельно на двух языках. Кроме обучения латыни и мастерству перевода, книга имела воспитательную задачу. В Предисловии И. С. Барков писал: «Дети предлагаемыми в баснях простыми примерами приучаются способнее к добродетели, нежели философским нравоучением <...> Применяя сии и другие многие басенные прилоги к обращениям житейским,

⁸ Николаев С. И. Тредиаковский Василий Кириллович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. Р — Я. С. 263.

⁹ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы... С. 119.

находим мы следы, чего держаться и чего убежать должны — <...> Что касается до моего перевода, то старался я, сколько возможно, соглашать свои мысли с Федровыми». Перевод басни «Гора, мучающаяся родами» состоит из четырех стихов:

Перед родами стон ужасной испущала,
И нечто там Гора велико предвещала,
А выскочила Мышь. Таков тот, кто сулит
Златые горы, сам век в слове не стоит.¹⁰

В следующие десятилетия басня оставалась в поле зрения русских поэтов. Под их пером басенный сюжет дополнялся новыми деталями, подробностями, небольшими психологическими зарисовками, и его смысл менялся.

В переложении А. П. Сумарокова семантика сюжета переключается с финального стиха:

<...> Но что родилось бишь?
Мышь.

на сатирическое изображение людей, которые готовы поверить любой лжи, даже слухам о беременной горе:

...Не басней басня та, историей слыла.
Неправильным дела народ аршином мерит:
Что хочешь, то скажи,
Ничем не докажи —
Всему народ поверит.
Не всяк
Дурак,
Однако многие не видят ясно врак.

¹⁰ Русская басня XVIII и XIX века. Собрание сочинений / Отв. ред. Б. А. Градова. М.; СПб., 2007. С. 271, 297.

Обманщик — вякай,
Безумец — такай,
Что хочешь, то набрякай...¹¹

Тема людской молвы, сплетен, волновавшая Сумарокова, который часто сам становился объектом скандального обсуждения в дворянском обществе, получила развитие также в его притче «Яйцо» (переложении басни Лафонтена «Les Femmes et le Secret»). В своем предисловии к ней Сумароков сравнил распространение лжи со снежным комом, катаемом детьми. О пересудах, возникших в Москве в связи с неудачным представлением его трагедии «Синав и Трувор» в 1770 году, он рассказал в притче «Кукушки».

Универсальность фразеологизма «Гора родила мышь» позволяла поэтам применять его к различным жизненным ситуациям в тех случаях, когда заявленные усилия или громкие обещания оборачивались ничтожными результатами. Басня Эзопа становилась инструментом литературной критики, возвращаясь в то семантическое поле, какое задал ему Гораций.

В 1773 году 16-летний М. Н. Муравьев опубликовал свой первый стихотворный сборник — книгу басен. И в оригинальных баснях, и в немногочисленных переложениях известных текстов он широко использовал аллереорию, сравнения, развивая сатирическую линию русской басни, начатую Сумароковым. Назвав свое стихотворное «подражание Де Ла Фонтеню» «Баснь», Муравьев, как и Сумароков, скептически оценивает правдивость старинного басенного сюжета, но согласен с его моралью:

...Когда себе сию я баснь воображаю,
Рассказ которой лжив,
Но смысл правдив,
Я стихотворца представляю,

¹¹ Трудолубивая пчела. 1759. Авг. С. 479. Подп.: [А.С].

Что в восхищенье восклицает:
«Пою, как поборал врагов Великий Петр!»
То много обещать, что ж из того бывает?
Ветр.¹²

Комментируя эти стихи, исследователи осторожно замечают: «концовка басни, возможно, намекает на неудачу замысла Ломоносова написать поэму „Петр Великий“». ¹³ Ироничное замечание Муравьева имело основание. Эпическая поэма Ломоносова, работу над которой он начал в 1756 году, завершена не была. Из печати вышли только Песнь 1—2 (СПб., 1760; Второе изд.: СПб., 1761). Поэма, а в большей степени предваряющее ее посвящение И. И. Шувалову, по заказу которого Ломоносов приступил к работе, изобилует собственными высокими оценками будущего «великого» труда и обещаниями, от которых предостерегал поэтов Гораций. Впрочем, вскоре Муравьев пересмотрел свое строгое юношеское отношение к Ломоносову и подал прошение о напечатании «Похвального слова Михайле Васильевичу Ломоносову» (СПб., 1774), а в 1807 году перевел поэму Ломоносова о Петре I на латинский язык.

В ту пору, когда эстетическая система классицизма постепенно уступала новым литературным течениям, а басня как жанр обретала характер изящного остроумного рассказа, к басенному творчеству обратился Д. И. Хвостов, сторонник старой дидактической басни в духе Сумарокова. В его переложении речь идет не просто о горе, а о горе-княгине. В басне появляются персонажи — «народ» и «пииты», описанные едва намеченными, но выразительными чертами. Предстоящее событие вызывает у них

¹² Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михайла Муравьева. СПб., 1773. С. 15.

¹³ Русская басня XVIII—XIX веков / Сост., подг. текста и примеч. В. П. Степанова, Н. А. Степанова. Л., 1977. С. 553. (Б-ка поэта. Большая сер.).

чувство подобострастия, как если бы действительно рожала княгиня:

...Бежит со всех сторон народ,
Разиня рот,
Кричат: «Гора презнатного ребенка
На свет произведет, — не меньше как левёнка,
Иль тигра, иль слона». Все час ее стрегут.
Пииты на стихах уже ребенку лгут...¹⁴

Смысловая доминанта басни, как у Сумарокова, переключается с анекдотичного финала — появления мыши — на сатирическую сценку, изображающую толпу людей. В 1800-е годы за Д. И. Хвостовым, который гордился своими баснями и ревниво относился к известности других баснописцев и растущей славе И. А. Крылова, утвердилась репутация графомана, и он стал героем анекдотов. По воспоминаниям С. П. Жихарева, Хвостов негодовал, что И. И. Дмитриеву «присвоили в Москве название русского Лафонтена. Чтобы утешить графа, Александр Андреевич (Беклешов, московский генерал-губернатор. — Е. К.) сказал ему: „Ну так что ж? Пусть Дмитриев будет нашим Лафонтеном, а ты — нашим Езопом“». ¹⁵

В начале XIX века басенный жанр получил широкое распространение в среде подражателей — дилетантов и провинциальных авторов. Книга басен А. Д. Агафи стала его единственным опубликованным трудом. В басне «Гора в родах» он выступил «против „высокой“ поэзии классицизма»: ¹⁶

Гора в мучительных родах
Кричит и вопит, так что страх! <...>

¹⁴ Хвостов Д. И. Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами. М., 1802. С. 32.

¹⁵ Жихарев С. П. Записки современника: В 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 45.

¹⁶ Степанов В. П. Агафи Александр Дмитриевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А—Г. С. 22—23.

Не то ли самое писатель есть надутый,
Который говорит: «Пою войну богов
Противу дерзостных Титановых сынов,
Всемощну Зевса власть и рок Гигантов лютый!»
Начало хорошо. Что ж далее сего?
Набор надутых слов — и больше ничего.¹⁷

«Стилистически гладкая, изящная по сюжету, мягкая моральная сентенция, противопоставленная традиционно „низкому“ жанру»¹⁸ — черты, характерные для басенного творчества П. И. Шаликова в целом, определяют и его переложение античной басни, сделанное по переводу Лафонтена. Последовательный сторонник эстетики сентиментализма, он приспособлял дидактический жанр к новой стилистике:

Родами мучилась гора,
Безмолвно холмы, лес, долина —
Все ожидали исполина.
Вдруг с треском вскрылась нора,
И что же? — Выскочил мышонок.
Смысл этой басни прост, не тонок,
Но близок к истине зато:
Хвастливых речь, дела — ничто.¹⁹

Под пером А. Е. Измайлова, переложившего басню дважды под названием «Гора в родах», она приобретала характер то ироничного описания чудовищных страхов, охвативших людей («...Кипит пучина вод, дрожит столетний лес / Вселенна целая от ужаса трепещет»),²⁰ то краткого нравоописательного очерка, своего рода фельетона, высмеивающего собратьев-поэтов:

¹⁷ Агафи А. Г. Басни. Астрахань, 1814. С. 18.

¹⁸ Русская басня XVIII—XIX веков / Сост., подг. текста и примеч. В. П. Степанова, Н. Л. Степанова. С. 593.

¹⁹ Вестник Европы. 1814. Ч. 73. С. 287.

²⁰ Любитель словесности. 1806. Ч. 2. С. 253.

Родами мучилась гора;
Земля вокруг дрожала.
Бедняжка простионала
С полудня до утра;
Расселась наконец — и родила мышонка!
Но это старая, все знают, побасенка,
А вот я быль скажу: один поэт писал
Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
Шараду.²¹

Не отрываясь до конца от своих исторических корней, басенный сюжет продолжал оставаться излюбленным приемом в литературных спорах. В. И. Тибекин, литератор из числа писателей, искавших себе покровительство сановных лиц, пользовался литературными советами Д. И. Хвостова и разделял его мнение о назначении басни — под маской аллегории учить читателей нравственным истинам. В его переложении басня, возможно имея конкретного прототипа, карикатурно изображает писательский труд и его ничтожный результат.

Какое зрелище! Там, мучая родами,
Гора напыщилась: шумит, ревет, трещит
И страшным бедствием вокруг себя грозит...
А тут поэт Глупон пыхтит, стучит ногами,
Кричит и бесится, всё искусал перо;
То по лбу кулаком, то треснет им в бюро,
Глаза навывкате, из рта клубится пена...
Но вдруг и там и тут переменялась сцена:
Гора растреснулась, с улыбкой встал поэт.
Что ж вышло? Примечай! Там — мышь, а тут — сонет.²²

²¹ Сын Отечества. 1815. Ч. 23. С. 65.

²² Тибекин В. И. Басни. СПб., 1819. С. 28.

Басенный финал свидетельствует о критическом отношении Тибекина, как и некоторых других поэтов того времени, к жанру сонета, пугающему сочинителей требованиями строгой поэтической формы и ограниченным количеством тем.

Фразеологизм «Гора родила мышь» со временем потерял связь со своим историческим источником — басней Эзопа, но продолжает самостоятельную жизнь в устной и письменной речи политиков, писателей, ученых.

